

Online First

Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1.

Научная статья

УДК: 338.1

JEL: D 63, E 21, F 63, H 52, N 15

doi:10.17323/1996-7845-2024-01-08

Экономика Китая: тридцать лет перегоняющего развития¹

Л.М. Григорьев, Д.В. Жаронкина

Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики (ФМиЭМП), НИУ «Высшая школа экономики» - Москва. 119017, Малая Ордынка 17, строение 1; lgrigor1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3891-7060.

Жаронкина Дарья Владимировна — лаборант центра комплексных европейских и международных исследований ФМЭиМП, НИУ «Высшая школа экономики» Москва, 119017, Малая Ордынка 17, строение 1; dzharonkina@hse.ru, ORCID: 0009-0009-2686-6404

Аннотация

Китай за тридцать лет ликвидировал абсолютную бедность и вышел на средний уровень развития. На этом пути он пересек границы ряда кластеров и обогнал такие страны как ЮАР и Бразилия. Достижения базировались на развитии рыночных институтов, возможностях мирового рынка и поддержании исключительно высокой нормы накопления в ВВП. Высокий темп изменений, демографическая политика, решение инфраструктурных проблем создали определенные проблемы. Отметим значительное социальное неравенство, экологические проблемы, рост закредитованности семей, финансовые трудности в сфере недвижимости, которые являются во многом последствиями огромной социальной программы. Переход к «новой нормальности» с пониженными (но высокими) темпами роста во многом напоминает известный эффект ловушки среднего уровня развития. Страна проходит ожидаемые этапы, но быстрее и по-своему. На горизонте 2035 года Китай планирует выйти в категорию развитых стран - на современный уровень стран Южной и Восточной Европы.

Ключевые слова: Китай, экономический рост, неравенство, средний уровень развития

Благодарности: Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2023 году.

Авторы благодарят Андрея Евгеньевича Шаститко - профессора Экономического факультета МГУ за указание на недостаточную изученность институциональных аспектов развития Китая.

Для цитирования: Григорьев Л.М., Жаронкина Д.В. Экономика Китая: тридцать лет перегоняющего развития // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1. (на русском и английском языке). doi:10.17323/1996-7845-2024-01-08

---

¹ Статья поступила в редакцию 27.02.2024

Введение

Экономическому развитию Китая в последние три десятилетия посвящена большая литература, но остается еще большое поле для прикладного анализа и теоретических выводов. Важность страны как объекта анализа и как фактора развития мира переоценить невозможно. И в большой степени ясно, что внутренние решения о развитии экономических институтов, отраслей и регионов играли решающую роль в 1992 – 2023 гг. Разумеется, мировые благоприятные условия для импорта сырья, доступа к технологиям, экспорта продукции обрабатывающей промышленности Китая имели огромное значение, поскольку сыграли позитивную роль в росте благосостояния китайских семей от стартовых \$1,7 тыс. (ППС 2017) до примерно \$18 тысяч к 2022 году. Этот выдающийся результат обычно пытаются объяснить либо успехами централизованного планирования развития в открытой мировой рыночной среде, либо просто использованием дешевой рабочей силы и масштабными капиталовложениями (в духе традиционных ресурсных подходов), либо постепенным формированием системы открытых институтов, в частности, движением страны от экстрактивных к инклюзивным институтам.

Сложность проблемы, в общем, оставляет место для аргументов в пользу всех трех подходов – вряд ли сторонники каждого из них решатся настаивать на том, что именно их теоретический подход позволяет полностью объяснить весь этот гигантский рост благосостояния населения Китая. Для наглядности приведем условный пример. Среднестатистический китаец 1980 года рождения прожил свои детские и школьные годы в ощутимой бедности. В 1998 г. ВВП на душу (ППС 2017) составлял еще только \$2.98 тыс., однако этот гражданин Китая видел 10% темпы роста и в 30 лет к 2010 г. он уже жил в стране с \$8.84 тыс. Его личное благосостояние росло очень быстро, как и благосостояние и экономическая мощь страны в целом, включая обгон Бразилии. Так, нам недостаточно указать только на быстроту и общие причины роста, необходимо дать более прикладной анализ – все-таки Китай перешел, согласно нашим расчетам, из 6-го в 3-й кластер. Но и впереди у страны остался длинный путь. Мы будем опираться на ряд известных западных работ: Рональда Коуза с Нин Ваном [Coase, Wang, 2016]; Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона [Acemoglu, Robinson, 2012], Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста [North, Wallis, Weingast, 2011]. Большая российская литература по китайским реформам носит в основном политэкономический характер. Для анализа структуры и динамики экономики мы отметим большую работу Островского А.В. [Ostrovskiy, 2020], а также наши работы [Grigoryev, Kulpina, 2013; Grigoryev, Zharonkina, 2023]. Это позволит нам сосредоточиться на анализе современных характеристик социально-экономического развития Китая.

Китайская политика реформ и открытости берет свое начало еще в конце 70-х гг. Главным барьером реформ являлась социалистическая политика КНР со своей идеологией, несмотря на то что уже были попытки со стороны властей совместить плановую экономику и рыночные механизмы. Перед анализом следующего этапа развития КНР стоит отметить основные функции институтов. В общем случае институты играют две роли в жизни социума. С одной стороны, институты служат некими «механизмами», необходимыми для выживания в обществе и сплочения индивидов посредством различных социальных организаций. Обычно они появляются непреднамеренно, в результате деятельности человека. Некоторые институты создаются целенаправленно, но в конце концов приводят к результату, который не всегда соответствует изначальным планам. Кроме этого, институты служат символом идентичности и социального статуса. Так, идеология социализма в КНР стала постепенно преобразовываться в символ идентичности общества, хотя реальное содержание институтов начало меняться. В течение 1980-х гг. китайское население начало пересматривать свое отношение к социализму и постепенно отходить от отождествления себя с идеологией, а китайские руководители были готовы к институциональным изменениям. Одним из них стало активное вовлечение ученых в политическую сферу, которые помогали китайскому руководству разрабатывать курс экономической политики и разрешать конфликты между партийными группировками во время дискуссий. Другим институциональным нововведением стали реформы правовой системы: издание новых законов, создание особых экономических зон, рост числа занятых в области адвокатуры и др. Развитие законотворческой деятельности позволило ограничить централизованную власть и защитить права местных властей, способствующие экономическому развитию регионов.

Процесс осмысления достижений, методов и проблем Китая охватывает весьма длительный период времени, обычно с установления нового Китая под руководством Мао Цзэдуна в конце 1940-х годов. Традиционно важной точкой отсчета обычно является декабрьский Пленум 1978 года, взявший курс на реформы экономики и общества. К данному моменту истории Китая уже были позади сложные и тяжелые эксперименты, не давшие в общем радикального улучшения жизни и укрепления страны. В данной работе мы ограничим наш анализ периодом с 1992 года по нескольким причинам. Начавшиеся радикальные преобразования в России практически сняли вопрос о том, насколько можно отклониться от марксизма, хотя, конечно, мировой идеологической системы уже не существовало. К этому моменту считается, произошло завершение паузы в реформах (1988 – 1992 гг.): «...Из этого периода политического разброда и шатаний Китай вышел с тем, чтобы с новыми силами приняться за рыночные преобразования, пустив в ход удачу, решительность и дальновидность...» [Coase, Wang, 2016, p.138]. Наверное, будет

справедливым сказать, что «низы» за 40 лет устали от экспериментов, а элиты нуждались в осторожных рыночных реформах – это ситуация зеркальная революционной ².

В нашей предыдущей работе мы постарались показать параметры роста Китая на рассматриваемом периоде [Grigoryev, Zharonkina, 2023]. Наш подход позволяет провести сравнительный анализ движения Китая по уровням развития, размеченным по кластерам [Grigoryev, Parshina, 2013]. Мировое развитие до 2020 года выглядело вполне перспективно для решения многих проблем человечества, хотя и не так оптимистично, как это выглядело в первоначальном виде в Целях Устойчивого Развития ООН 2015 года. Одной из критических проблем выработки путей решения глобальных проблем и достижения Повестки дня 2030 является попытка предложения единого подхода. Разумеется, различия развитые–развивающиеся констатируются, но теории роста и эволюции институтов далеки от адекватного отражения и создания прикладного инструментария для достижения ЦУР 2030 и далее. Тем важнее взглянуть на опыт Китая, который своеобразен, но дал выдающиеся результаты. Поднебесная прорезала траектории роста многих стран своего уровня на каждом этапе развития.

В конечном итоге мы хотели бы получить более ясную картину столь быстрого роста, состояния социально-экономических параметров при прохождении знаковых рубежей. Предположительно, повторить это ускорение в развитии другим странам было бы сложно, но мы попытаемся среди прочего уточнить, что именно трудно повторить другим странам для достижения сравнимых результатов:

- социально-политическая устойчивость общественных процессов;
- мир на границах и отсутствие открытых длительных внутренних социально-политических кризисов;
- единая трактовка целей развития правящей элитой в течение длительного периода времени, низкие политические издержки;
- устойчиво высокая норма накопления;
- решение проблем транспортной и энергетической инфраструктуры;
- устойчивое образование населения, наращивание человеческого капитала;
- быстрая адаптация к внешним условиям: экспорт и импорт;
- широкое использование иностранного капитала, особенно на ранних стадиях развития и через специальные инструменты (свободные зоны);
- усилия по решению крупных проблем страны: региональное и социальное неравенство, экология.

---

² Революционная ситуация — понятие, впервые сформулированное В. И. Лениным в работе «Маёвка революционного пролетариата» (1913 года): «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для неё требуется ещё, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде».

1. Старт реформ

Для страны, открывающей поток реформ, Китай вполне располагал накопленным образованием, традиционной трудовой этикой и деловой предприимчивостью населения. К этому на старте можно было добавить монополию на власть, длительность контроля над принятием решений и некую гарантию на устойчивость институтов (в случае успеха). К 1992 году уже был приток иностранного капитала, в частности, через свободные экономические зоны, а следовательно, происходил приток технологий и ноу-хау. Мировые рынки были открыты на волне либерализации с открытием автаркии СССР и СЭВ. Конец «первой» холодной войны и выпадение советской угрозы снял у элит США и НАТО до поры до времени опасения угрозы со стороны Китая. Во всяком случае «Запад» с ВВП на душу населения в десятки тысяч долларов не видел тогда угрозы и не мог предположить ситуации 2020 гг., попыток ограничения России и Китая и мирового тупика.

Китайское руководство использовало это «внешнее окно возможностей» для вполне понятной либерализации хозяйственной деятельности, особенно в деревне, снятия идеологического табу на обогащение. В мире 1990-ые годы – это годы великой модерации и быстрого роста - были весьма подходящим периодом для экспорта массы недорогих товаров обрабатывающей промышленности Китая. Стартуя от сравнительно невысокого уровня производительности, имея «на руках» значительную абсолютную бедность, унаследованную от периода чрезмерного регулирования, ограничения и планирования, китайское руководство искало, по сути, гибридные пути выхода из сложившейся ситуации. Нужно было использовать имеющиеся ресурсы, снять институциональные препоны, дав новому пакету-набору институтов приемлемое идеологическое название - социализм с китайской спецификой. “...Мысль о том, что плановая экономика - главный, а рыночная - вспомогательный элемент, глубоко укоренилась в китайском сознании...” [Coase, Wang, 2016, p.183]. Если Коуз пытается объяснить феномен роста Китая с помощью теории институционализма, то Асемоглу и Робинсон по большей мере говорят о важности ресурсных факторов в развитии Поднебесной: « страна получает большую выгоду от своего большого предложения дешевой рабочей силы и доступа к иностранным рынкам, капиталу и технологиям...” [Acemoglu, Robinson, 2012, p.333].

Надо подчеркнуть, что к 1992 году опыта успешного строительства среднеразвитой экономики на социалистической основе в практическом плане не было. Первая российская программа, в которой не было улучшения социализма, это 1990 год «500 дней» [Grigoryev, 2010]. Это был сигнал всему миру, что «учиться» социализму больше было не у кого. В России при создании первого правительства в октябре – ноябре 1991 г., программы

построения рыночной экономики не было предъявлено заранее. В начале были только намечены шаги к либерализации, открытию экономики и приватизации [Grigoryev, 1991].

В российской истории иногда отмечается некоторое «совпадение» реформ по времени: правительство Е.Т. Гайдара стартовало в ноябре 1991 года, когда ВВП СССР уже упал на 18% (от 1989 г.). Видимо, начинать реформы надо было раньше [Grigoryev, 2019], а с января 1992 г. пошел наш период «шокотерапии» на фоне обвального падения производства и гиперинфляции. Так что у китайских товарищей и наблюдателей не было готовой ни теоретического «советского», ни прикладного «российского» материала для решения своих задач. Обе великие страны социализма начинали свои рыночные реформы практически одновременно, но с совершенно различных уровней развития и разными путями. В России, конечно, были советники с Запада, но для случая Китая это мало что давало, хотя идея шокотерапии была то ли привлекательной, то ли вынужденной [Ostrovskiy, 2020].

Но с момента опубликования “Решений о реформе экономической системы” в 1984 году была обозначена конкретная цель реформ - рыночная экономика. Однако, события на площади Тяньаньмэнь в 1989 году привели к откату и свертыванию преобразований во многих сферах экономики, показав “...слабость и уязвимость непрочной политической власти Китая - в частности, полное отсутствие у нее институциональных механизмов для решения проблемы общественного недовольства и недостаток политических навыков для того, чтобы убедить и увлечь народ мирными способами...” [Coase, Wang, 2016].

Под руководством Дэн Сяопина Китай двинулся к построению рыночного хозяйства с социалистическим лицом. На этом пути были большие успехи, изменение задач – это «этапы большого незаконченного пути».

Экспериментальный подход китайских властей к реформам (“crossing the river by touching the stones”) отражал их уверенность в том, что идеи должны стоять выше личных интересов. О промежуточных результатах непростого пути Китая писали в партийном журнале Цюши: «Такие впечатляющие результаты были достигнуты Китаем в результате осмысленной проработки теоретических вопросов экономической реформы. Там отказались от бездумного использования монетаристских методов перехода к рыночной экономике, и была выработана своя теория «социалистической рыночной экономики», которая по сути дела и есть теория перехода от командно-административной, сверхцентрализованной к рыночной экономике, где «была не только переосмыслена традиционная теория плановой экономики, но и качественно развиты теоретические

положения традиционной теории рыночной экономики [Qiushi, cit. by Ostrovskiy, 2020, pp.22-23].

2. Рост в мире и ускорение в Китае

Три десятилетия мирового экономического роста были очень разными, но мы предполагаем, что детали мирового развития за этот период хорошо описаны, так что максимально сжимаем их изложение. Мы располагаем кластерным подходом анализа межстранового неравенства в динамике, который показывает, как все страны мира (кроме Китая) увеличили свой ВВП на душу населения в 2019 году по сравнению с 1992 годом на 45%, одновременно сохраняя свое место в том или ином кластере или перемещаясь между ними. По охвату период соответствует периоду анализа китайской экономики в этой работе, но Китай рос намного быстрее мировых «норм», перейдя за этот промежуток времени из 6-го в 3-й кластер [Grigoryev, Pavlyushina, 2022, глава 1]. Традиционно развитие Китая рассматривается важными периодами по деятельности генсеков и съездам КПК. Мы намерены дополнить кластерным анализом (таблица 1, график 1).

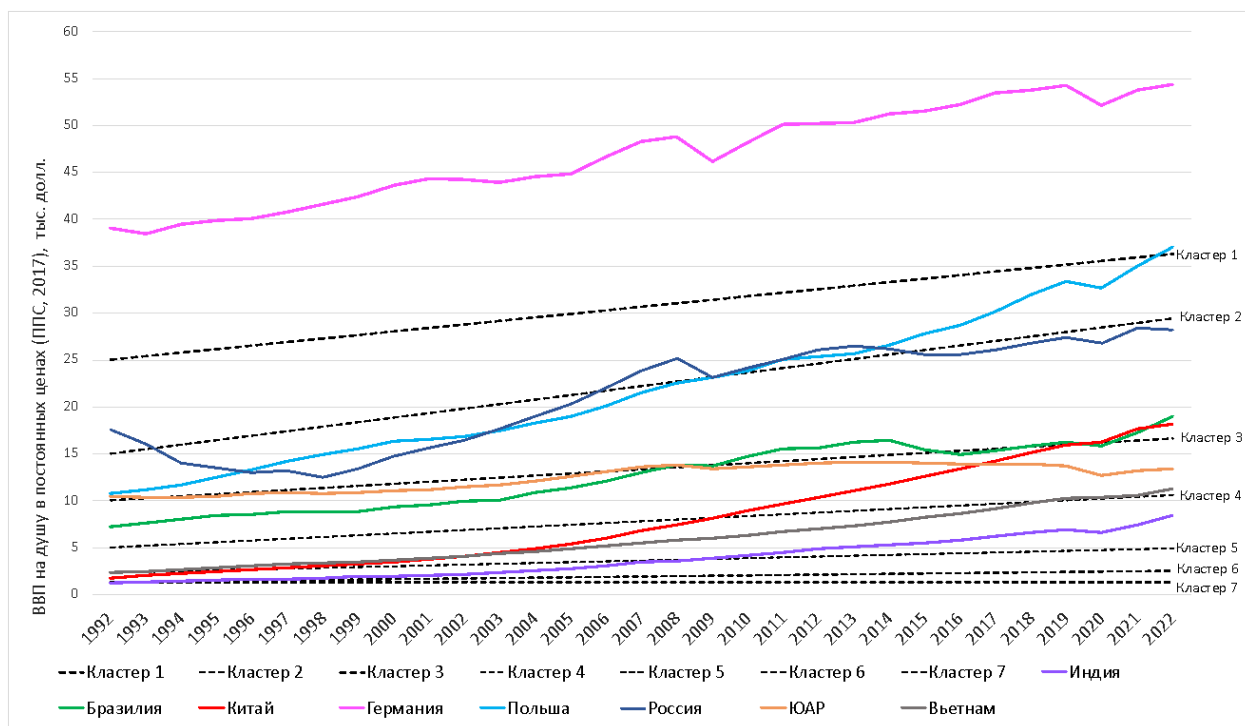
Таблица 1. Границы кластеров и примеры стран (ВВП на душу ППС, межд.долл., 2017 г.)

Кластеры	Нижняя граница 1992	Верхняя граница 1992	Нижняя граница 2022	Верхняя граница 2022	Примеры стран из каждого кластера на 2022 г.	ВВП на душу страны в 1992 г.	ВВП на душу страны в 2022 г.
1	25001		36349		Польша	10,7	36,8
2	15001	25000	21810	36348	Чили	11,3	25,9
3	10001	15000	14541	21809	Китай	1,7	18,2
4	5001	10000	7271	14540	Вьетнам	2,3	11,4
5	2301	5000	3345	7270	Индия	1,9	7,1
6	1301	2300	1892	3344	Эфиопия	0,6	2,4
7		1300		1890	Мозамбик	0,4	1,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных World Bank [n.d.]

Картина восхождения китайской экономики по кластерам с 1992 по 2022 годы выглядит драматически. Это не просто быстрый рост, что было бы хорошо, но мало, учитывая стартовое состояние и амбиции страны и, в частности, руководства страны. Мы видим ускоренное прохождение нескольких этапов (выраженных в кластерах) на фоне умеренного мирового роста. То, на что большинству стран потребовались десятилетия, Китай проходил за короткие сроки. В данном случае мы указываем страны, сопоставимые не по всему рассматриваемому периоду, а по периодам «обгона» их уровня Китаем.

График 1. Динамика ВВП (ППС, 2017) на душу Китая и стран сходного уровня развития в системе кластеров, тыс. международных долларов, 1992 – 2022 гг.

Источник: World Development Indicators, GDP per capita, PPP (constant 2017 international \$) (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?locations=CN>)

Старт реформ в 1990-х годах основывался на либерализации хозяйственной деятельности крестьян, торговцев, предприятий. Но централизованная ориентировка инвестиций, содействие экспорту, создание свободных зон шли в рамках логики открытия экономики и свободы конкуренции предприятий и регионов. Смена менталитета была огромной, но безусловно, отличием от исторического пути длительного формирования западных институтов власть сохраняла существенный контроль над общественным развитием - сначала экономика, потом развитие гражданского общества в своей логике. В 2006 году Р. Коуз говорил о том, что "...китайская рыночная экономика продолжит развиваться, сохраняя свою специфику, вбирая богатые традиции Китая и все многообразие современного мира. В конце концов, капитализм - не конец пути, а эволюционный процесс коллективного обучения и самопреобразования..." [Coase, 2006]. Стартовые процессы реформ опирались на либерализацию и создание частных предприятий, нежели на приватизацию. Привлечение иностранного капитала, в том числе с помощью свободных зон позволило не только развивать соответствующие регионы и отрасли, но и экспериментировать с институциональными подходами. Ограниченность внутреннего

спроса преодолевалась за счет высокой конкурентоспособности на внешних рынках (где теперь место китайских товаров отчасти заняла продукция соседей).

«За годы реформ Китай добился заметных успехов в сфере экономики. Они были связаны с отказом от следования принципам «вашингтонского консенсуса», таких как либерализация экономики, уход государства из сферы экономического управления, быстрая приватизация государственных предприятий. Одним из главных факторов успеха реформы было активное включение Китая в систему международного разделения труда и использование таких внешнеэкономических факторов как привлечение иностранного капитала для развития иностранных технологий в стране, развитие свободных экономических зон на территории Китая, быстрое развитие внешнеэкономических связей как с развитыми, так и развивающимися странами. В наступившем XXI веке Китай будет наращивать свою экономическую мощь, и на этой основе будет происходить поступательный рост жизненного уровня населения страны и построение общества «малого благоденствия» (*сяокан шэжуэй*) в стране к 2020 году» [Ostrovskiy, 2020, с.68-69].

Большой рыночный скачок Китая между 1992 и 2007 – переход из тяжёлого положения из 6 к 4 кластеру – занял пятнадцать лет, которые можно атрибутировать прежде всего либерализации хозяйственной деятельности, свободе выхода на мировые рынки при благоприятной мировой конъюнктуре и координированной инвестиционной политике. В истории догоняющего развития – это выдающийся случай сам по себе, особенно на фоне попыток Всемирного банка решить проблему роста в рамках современных представлений о его факторах [Easterly, 2001. xi - xiii] В 2007 г. (таблица 2) параметры экономики Китая уже соответствуют небогатой стране с большими инвестиционными планами. Далее шло увеличение нормы накопления, развитие энергетики, рост благосостояния. Все эти годы шло догоняющее наращивание инфраструктуры (как в Европе в 1880-1913). Между 2007 и 2013 годами происходит еще один сильный рывок в развитии страны, и она переходит по нашему счету в 3 кластер в число стран с гораздо большим периодом пребывания среди среднеразвитых стран. Новые задачи съезда 2012 года выполнялись уже в обстановке программы ограничения рождаемости и при снижении темпов роста. Это выводит страну, по существу, в зрелость экономики, и появляются признаки новой нормали.

Норма развития в 2012- 2023 гг. шла в рамках 3 кластера и вывела Китай на 18 тыс. долларов ППС 2017 г. Это происходило уже после Мирового Финансового кризиса 2008-2010 гг., развала мирового управления, пандемии Ковида и начала геополитического кризиса. Выполнена мечта о сильном Китае, но другими методами, словами Нобелевского лауреата Роберта Коуза: «...За несколько десятилетий реформ и политики открытости

Китаю удалось создать рынок товаров, который вернул страну на путь экономического процветания и по счастливой случайности помог ей возвратиться к культурным корням. Развитие рынка идей поможет китайской экономике расти за счет знаний и инноваций. Но гораздо важнее то, что богатые традиции Китая смогут возродиться благодаря преобразующей интеграции в многообразный современный мир. Китай тогда станет не просто мировым промышленным центром, но и живым источником творчества и инноваций...” [Coase, Wang, 2016].

Сложившиеся экономику и общество мы полагаем вполне можно считать китайской нормой. То есть мы предлагаем не ждать приближения китайского общества (что возможно) к западным стандартам. Можно считать, что громадная страна, решившая огромные проблемы развития, сама формирует свою норму, догоняя ведущие страны по множеству параметров. Вряд ли можно отрицать, что Китай стал источником инноваций гибридном подходе – сочетании большой свободы хозяйственной деятельности хозяйственных агентов и целенаправленного воздействия плановых органов...

Картину, которую весь мир наблюдает с изрядной долей удивления (и зависти) на протяжении 30 лет – это ускоренное движение экономики Китая вверх, количественных и качественных показателей, от сравнительно низкого стартового уровня. После длительного периода экспериментов, после пленума 1978 года, начались реформы. Но мы берем для более актуального анализа период только с 1992 г., когда прогресс стал ясным и непрерывным. В терминах кластерного подхода (график 1) мы считаем важным рассматривать не просто рост, а те «качественные» шаги» от кластера к кластеру [Grigoryev, Pavlyushina, 2022, глава 1]. В определенной степени характер процесса накопления, отраслевая структура и динамика капиталовложений была рассмотрена нами в предыдущей статье [Grigoryev, Zharonkina, 2023].

Мы рассмотрим срезы параметров экономики и общества Китая на принципиальных рубежах переходов: старт в 6 кластере в 1992 г; 1997 г. - переход в 5-й кластер; 2007 г. - переход в 4-й кластер; с 2019 года Китай находится в 3-м кластере. Экономические индикаторы в целом привязаны к уровню развития по ВВП, но их нужно воспринимать комплексно, как инструменты политики, так и результаты развития. Переход через границу из 6-го кластера в 4-й кластер занял пятнадцать лет. Таблица 2 показывает, как быстро и значительно менялись показатели на каждом рубеже. В 2007 году это означало, что Китай с \$6,8 тыс. (ППС) на душу населения переходит в 4-й кластер (для этого года границы были от \$6,3 тыс. до \$12,7 тыс.) и отрывается от Индии (\$3,6 тыс.) и Вьетнама (\$5,5 тыс.). Курс юаня весь этот период был очень низкий (7,6 к доллару в конце), но чистый экспорт достиг

четверти триллиона долларов, а производство автомобилей достигло почти 9 миллионов штук. Конечно, это свидетельствует, прежде всего, о трудолюбии китайского народа и грамотной промышленной политике, которая использовала все доступные технологии. Но все же главное – норма накопления все это время была высокой по любым международным сравнениям – от 30% ВВП, и к 2007 году достигла 37,9% и это при учетверённом ВВП на душу населения. Включение сил рынка внутри страны и использование возможностей мирового рынка дали ресурсы, которые использовались в плановом порядке, что и представляло в простейшем виде институциональный секрет развития. Здесь, на наш взгляд, нет противоречия между институциональными силами и традиционной теорией роста. Госплан мог рассчитывать на быстро расширяющиеся ресурсы для достижения основных понятных и жизненно необходимых целей: борьбе с абсолютной бедностью, которая в 1981 г. охватывала 90% населения, в 1990 г. снизилась только до 70%, а за следующие четверть века сократилась до минимума [Jain-Chandra et al., 2018, Fig. 6]. Но высокие темпы роста позволили начать масштабное повышение уровня жизни без снижения нормы накопления.

Мы выделяем в анализе 2013 год, который был первым годом после 18 съезда КПК и первым годом руководств Си Цзиньпина. Он важен значительными сдвигами в параметрах структуры экономики и тем, что с него начинается изменение характера роста – к росту с умеренными темпами в 5-7%. Структура ВВП страны (по секторам) претерпела радикальные изменения – мы видим, что к 2013 году доля сельского хозяйства сжалась до 9% ВВП, а далее стабилизировалась на 7,3%. Вторичный сектор (промышленность) длительное время сокращался вплоть до 2020 года, после чего увеличил свою роль вновь, что соответствует новым потребностям мировой экономики и возможностям промышленности Китая, что хорошо видно по рекордным показателям общего (3,6 трлн. долл.) и чистого экспорта (877 млрд. долл.) в 2022 году. Колебания значений показателей в 2019-2022 годах отражают специфику годовой конъюнктуры, но с уверенностью можно говорить о стабилизации основных параметров. Объем данной работы не позволяет провести прямое сравнение параметров экономики Китая с аналогичными индикаторами стран со схожим ВВП на душу населения, которых он догнал и обгоняет в настоящее время. Не все показатели, особенно социальные, достижимы в короткое время, но многие радикально возросли в эти годы. На примере Китая мы видим необходимость (и успех) единства трансформации по широкому кругу параметров экономики и социальных аспектов жизни. Возможность одновременной и столь быстрой модернизации в чисто

плановом порядке сомнительна, что доказано историей, но и в чисто открытом варианте общественного развития пока также не наблюдалась.

Таблица 2. Экономические показатели Китая, 1992 – 2022 гг.

Год	Население, млрд. чел.	ВВП на душу, ППС (в постоянных ценах 2017, \$ тыс.)	Темпы роста ВВП на душу (%)	Норма накопления (% от ВВП)	Обменный курс валюты (юань к US\$)	Чистый экспорт, млрд. долл.	Объём производства автомобилей, млн. ед.	Доля с/х в ВВП, %	Доля промышленности (вторичного сектора) в ВВП, %	Доля услуг в ВВП, %	Энергоемкость 1*	Энергоемкость 2 **	Потребление угля, Мт (10 ⁶ тонн)
1992	1,165	1,7	12,8	30,3	5,51	4,4							1090
1997	1,230	2,8	8,1	31,0	8,29	40,4							1334
2007	1,318	6,8	13,6	37,9	7,61	264,0	8,9				0,347	2,36	2821
2013	1,363	11,1	7,1	44,5	6,20	259,0	22,1	8,9	44,2	46,9	0,258	3,06	3975
2019	1,408	16,0	5,6	42,8	6,91	421,1	25,7	7,1	38,6	54,3	0,208	3,46	3899
2020	1,411	16,3	2,0	42,5	6,90	524,0	25,2	7,7	37,8	54,5	0,205	3,53	3948
2021	1,412	17,7	8,4	42,0	6,45	675,9	26,1	7,2	39,3	53,5	0,191	3,72	4184
2022	1,412	18,2	3,0	--	6,74	877,6	27,0	7,3	39,9	52,8	0,178	3,83	4554

тыс. тонн SCE / ВВП по ППС в текущих ценах, \$ млн. (SCE – standard coal equivalent ~ 29.3 MJ)

** общее потребление энергии / население, тонн SCE на человека

Источник: рассчитано авторами на основе данных World Bank[n.d.], IMF [n.d.], NBS of China [n.d.], IEA [n.d.].

Показатели личного потребления населения можно рассматривать как хороший критерий успеха в повышении общего благосостояния страны. Таблица 3 указывает на стабилизацию структуры расходов населения к 2020-2022 гг.: продовольствие и напитки – около 36%; развлечения, здоровье и образование – несколько менее 20%. Можно сказать, что относительно высокая доля продуктов питания, но невелика доля товаров длительного пользования.

Таблица 3. Уровень и структура потребления, тыс. юань, %.

Год	Личное потребление на душу (тыс. юань)	Расходы д/х (% от общего потребления)				
		Еда, табак, ликер, одежда и обувь	Жилье	Техника, мебель и услуги д/х	Транспорт и связь	Образование, культура и здравоохранение
1992	0,94	-	-	-	-	-
1997	2,4	-	-	-	-	-
2007	6,6	43,8	17,8	5,4	11,6	18,8
2013	13,2	39,0	22,7	6,1	12,3	17,5
2019	21,6	34,4	23,4	5,9	13,3	20,5
2020	21,2	36,0	24,6	5,9	13,0	18,3

2021	24,1	35,7	23,4	5,9	13,1	19,6
2022	24,5	36,1	24,0	5,8	13,0	18,7

Источник: рассчитано авторами на основе данных World Bank [n.d.], IMF [n.d.], NBS of China [n.d.], IEA [n.d.]

Среди социально-экономических показателей любой страны особую роль играют военные расходы и затраты на НИОКР. Применительно к Великой державе в современных условиях эти значения и их динамика говорят весьма много о политике страны и ее положении в мире. В Китае военные расходы на душу населения (в долларах) за тридцать лет выросли примерно в двадцать раз. Интересно, что расходы на НИОКР выросли практически в той же пропорции и вдвое превосходят военные затраты. Энергетические аспекты развития китайской экономики находятся в центре внимания всего мира, поскольку общее энергопотребление в стране выросло с 1,4 млрд. тонн в 2000 г. до 5,4 млрд. тонн в 2022 г., причем потребление угля выросло с 1,09 трлн тонн (1992 г.) до 3,975 трлн тонн в 2013 году. Далее оно продолжало расти и достигло 4,554 трлн тонн в 2022 году. Китай обозначил намерение достигнуть углеродной нейтральности в 2060 году, но, как мы видим, это невероятно сложная задача. Более детальный анализ показывает, что происходит значительный рост энергоэффективности в расчете на единицу ВВП (ППС) с 2007 по 2022 годы вдвое (см. табл. 2). Однако показатель расхода энергии (в тоннах SCE на человека) за этот период вырос с 2,36 до 3,83. Динамика энергопоказателей Китая отражает стадию формирования его транспортной и энергетической инфраструктуры, жилищного строительства. Понадобится еще декада до завершения строительства системы скоростных железных дорог, значительных вложений в менее развитых регионах, прежде чем ресурсы высвободятся для радикального снижения использования углеводородного топлива.

В целом структурные характеристики китайской экономики дают картину среднеразвитой державы, которая в невероятно короткие сроки проходит ступени (кластеры), на которые у большинства развитых стран уходили совершенно другие – намного более продолжительные – исторические сроки. Китай может использовать опыт других стран, как в технологическом, так и в институциональном плане. Но, как надо признать, это оставляет гигантские сложности по колоссальным размерам и разнообразию страны – с одной стороны, а с другой – в связи с очевидной попыткой руководства страны проводить модернизацию очень быстро и, по возможности, одновременно по всей стране. В принципе можно сконструировать систему социально-экономических показателей, которые будут формироваться при движении от 3-го ко 2-му кластеру, и от 18 к 35 тыс. долларов на душу населения, или к развитым странам Восточной и Южной Европы.

№3 Быстрый экономический рост и неравенство.

Быстрый экономический рост, естественно, никогда не происходит равномерно в стране, в региональном и межстрановом пространстве. По тем или иным институциональным, ресурсным, географическим, индивидуальным качествам акторов, семей (предыстории семей) или бизнесменов в рамках деревни, города социальное расслоение становится фактом вслед за расширением возможностей рынка, снятием барьеров, либерализацией среды. Дух предпринимательства вполне может считаться столь же китайским культурным кодом, сколь финикийским, венецианским или англосаксонским. Формирование рыночного хозяйства на базе предпринимательства и частной собственности, естественно, ведет к образованию и социального неравенства.

Во втором параграфе мы рассмотрели, как китайская экономика двигалась в предыдущие три десятилетия – как скоростной поезд, минуя границы кластеров как мосты на реках, разграничивающих области и регионы. Ниже таблица 4 показывает, как экономика в целом и семьи выходили на новые уровни и параметры потребления. Снижение приростов населения до нуля дает возможность перевести дополнительные доходы в более сложные и качественные виды потребления, товары и услуги. Заметим, что в течение всего рассматриваемого периода доля личного потребления в ВВП остается менее 40%, что нетипично для мирового хозяйства (обычно 50 – 55%, а в США почти 70%) от ВВП. Это указывает на несколько содержательных и статистических обстоятельств. Прежде всего это говорит о высокой норме накопления, которая поддерживается в течение всего рассматриваемого периода. С точки зрения теории роста – это чрезвычайно важно, поскольку предполагает огромное значение институционального фактора: отложенного личного потребления ради формирования физической инфраструктуры, расширения производственной мощи, урбанизации. Социальные показатели также быстро улучшались при длительном сохранении высоких темпов роста.

Выход Китая к концу второго десятилетия XXI века в 3 кластер – 18 тыс. долларов по ППС – образует картину среднеразвитой страны. В параграфе 2 мы обсуждали вопрос о «ловушке» среднего уровня развития. Напомним, что обычно это снижение темпов прироста с 4-5 до 3-4%. В Китае сохранение высоких темпов прироста привело к некоторой «плавности» движения социально-экономических показателей. Так, стабилизируется доля городского населения (около 65%), заметно сближение в уровне развития регионов – с 4 до 2 раз между высокоразвитым Шанхаем и среднеразвитым Хубэем. Страна выходит на очень высокий показатель третичного образования в 72% (при стартовых 2,8% в 1992 году), что очень важно при столь высоких темпах развития для переподготовки кадров. Структура личного потребления будет меняться, но уже медленнее. Услуги в структуре потребления,

конечно, еще могут и будут расширяться, особенно в части услуг и рекреации. Многократный рост личного потребления за период, безусловно, скрывает социальные различия, о которых речь пойдет ниже. Напомним, что в структуре ВВП Китая доля личного потребления необычайно низка. Так что среднедушевое потребление остается несколько ниже того, что бывает в среднеразвитых странах с 18 тыс. долларов ППС на душу населения. Так что огромный успех в развитии страны вполне увязан с поиском «новой нормали» - как должно меняться личное потребление, чтобы стать опорой роста в большей степени, чем раньше при доминировании экспорта и капиталовложений.

Таблица 4. Социальные показатели

Год	Естественный прирост (на 1000 чел.)	Отношение ВВП на душу в Шанхае к ВВП на душу в Хубэе	Доля городского населения, %	Число пользователей интернетом (млн. чел)	Доля населения с третичным образованием (% от общего населения)	Военные расходы на душу, долл./чел.	Расходы НИОКР на душу, долл./чел.
1992	11,6	4,18	27,5	-	2,8	10,4	19,3
1997	10,1	4,83	31,9	0,6	5,8	12,8	18,4
2007	5,2	3,85	45,9	210,0	21,4	47,1	95,45
2013	5,9	2,18	54,5	617,6	32,8	116,4	226,8
2019	3,3	2,08	62,7	903,6	57,3	170,3	367,3
2020	1,5	2,04	63,9	989,0	62,2	182,8	401,1
2021	0,3	2,03	64,7	1032,0	67,4	202,5	439,2
2022	--	1,95	65,2	1067,4	72,0	206,8	

Источник: рассчитано авторами на основе данных World Development Indicators [n.d.], IMF [n.d.], NBS of China [n.d.], CEIC [n.d.]

Быстрый экономический рост обычно ассоциируется с увеличением социального неравенства, особенно на ранних стадиях развития. Традиционные оценки по децильным параметрам, публикуемым Всемирным банком ставят социальное неравенство в Китае в разряд вполне «заурядных» с долей дохода 10-го дециля порядка 30% для развивающихся стран. Заметим, что с точки зрения теоремы С.Кузнеця о «зонтике», Китай явно является идеальным кандидатом на тестирование: сначала неравенство должно выгибать зонтик вверх, а потом рост предположительно должен бы загибать зонтик вниз [Kuznets, 1955]. Правда, мы не смогли найти сколько-то ясных прикладных случаев движения стран по траектории зонтика вниз (небольшие колебания).

Скорее наблюдается стабилизация неравенства на определенном уровне, определяемом национальной социальной историей, институтами (налогами и пр.), характером социально-политического равновесия в обществе. Мы видим несколько моделей социального неравенства в мире – например, англо-саксонское или континентальное европейское [Grigoryev, Pavlyushina, 2022, глава 14]. Уникальность, размеры и специфические особенности Китая демотивируют исследователя приписывать его к какой-то определенной страновой группе, во всяком случае, до определенного времени и уровня развития страны (технически до момента длительного устойчивого сохранения модели). Можно предположить в будущем различные варианты развития ситуации, но пока мы хотим получить объективную картину этих трех десятилетий. На 19-м съезде Коммунистической партии Китая в 2017 году снижение неравенства и, следовательно, социальной напряженности было признано одной из приоритетных задач развития на ближайшие годы, так что могут быть и целенаправленные действия в этой области со стороны государства [Ostrovskiy, 2020].

Китай, естественно, вызывает большой интерес у мировых исследовательских организаций и по проблеме социального неравенства в стране есть серьезная работа МВФ 2018 года [Jain-Chandra et al., 2018]. Их анализ относится к тому периоду в истории страны, когда китайская экономика пересекла границу между 4 и 3 кластерами и переходила к поиску «новой нормали» при темпах роста в 5-6% ВВП.

Вывод авторов (абстракт) звучит драматически: “...income inequality increased sharply from the early 1980s and rendered China among the most unequal countries in the world. This trend has started to reverse as China has experienced a modest decline in inequality since 2008. This paper identifies various drivers behind these trends – including structural changes such as urbanization and aging and, more recently, policy initiatives to combat it.” [Jain-Chandra et al.,

2018, p.2]. Рост неравенства в 1980-х годах в основном атрибутируется структурным сдвигам: урбанизации, замедлению рождаемости, перемещению рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и повышению роли третичного образования [Jain-Chandra et al., 2018, p.14]. Разумеется, именно эти факторы лежали в основе увеличения производительности в стране, наряду с ростом капиталовложений, так что мы можем говорить о «естественном» росте неравенства в процессе индустриализации, урбанизации и создания инфраструктуры – как в развитых странах много ранее и в гораздо более продолжительные сроки. Догоняющее развитие по уровню благосостояния пошло с искомыми социальными успехами, но и с неизбежными социальными издержками.

Таблица 5 Показатели социального неравенства, 1993, 2002, 2008, 2012, 2019 годы, %

	1993	2002	2008	2012	2019
Первый дециль	3,3	2,3	2,0	2,1	2,8
Первый квинтиль	7,9	5,7	5,1	5,3	6,7
Второй квинтиль	12	9,6	9,5	9,7	10,7
Третий квинтиль	15,9	14,4	14,6	14,7	15,2
Четвертый квинтиль	22,1	22,4	22,2	22,4	22
Пятый квинтиль (20% самых богатых)	42,2	47,9	48,5	47,8	45,3
Десятый дециль (10% самых богатых)	26,6	31,4	31,8	31,5	29,5

Источник: World Development Indicators [n.d.].

Несмотря на устойчивый рост социального неравенства, с начала XXI века в стране сокращается бедность. А тем не менее в бедности до сих пор живут миллионы жителей Китая: по оценкам Всемирного банка, в 2019 году менее чем на 6,85 долл. США в день проживали 25% населения страны [World Bank, n.d.].

Таблица 5 дает хорошо понятную по международным сопоставлениям картину социального неравенства – так видит китайское общество каждый, кто заглядывает в основные таблицы МБРР. Стандартные параметры указывают на довольно высокое неравенство, характерное многим развивающимся странам. Оно формируется в процессе создания национальных институтов собственности, налоговой системы, степени

осознанной необходимости социальной защиты. При очень быстром росте, как мы видим неравенство складывается также быстро, и в общем не поворачивает вниз по «зонтику».

С точки зрения решения проблем догоняющего развития Китай установил не рекорд, а выдающийся успех решения проблемы абсолютной бедности к 2016 году. Сотни миллионов людей после жизни в тяжелейшем XX веке были выведены на уровень, на котором уже можно думать о дальнейшем росте благосостояния. Не пытаясь на примере одной важной страны модернизировать слишком многого в теории развития, полагаем, что открытость и инновационность, столь принципиально важные для институциональной теории, начинают работать более эффективно на более высоком уровне доходов после того, как отработал этап стартовой либерализации экономической жизни.

Социальная неравномерность в Китае вышла в 2012-2016 гг. на плато, как во многих странах, с которого снижение же, если пошло, то незначительное. С ростом бизнеса, внутреннего накопления доходы от собственности, от финансовых инструментов начинают «работать на неравенство» как во всем мире. И снова важное значение имеет скорость преобразований экономики страны. Заметим, что рекомендуемое институциональной теории сокращение государственного участия в экономике могло улучшить какие-то параметры роста, но напомним, что темпы прироста ВВП в первое десятилетие 21 века были более 10%.

Китайская статистика предоставляет возможность уникального сравнительного анализа состояния финансов семей на базе обширных опросов 2013 и 2018 годов, которые мы используем для мониторинга доходов, активов и долгов семей с различным уровнем достатка. Таблица 6 дает интересную картину положения китайских семей в городе и селе. Ожидаемо, что средний доход городских семей более чем вдвое превосходит сельские семьи. Однако мы не имеем точной картины соотношения опросных данных и населения в целом. За пять лет средний доход городских семей вырос примерно на 40%, а сельских – на 37%.

Рост личных доходов по опросам за пять лет соответствует общему росту по агрегированным данным, по городу и по селу. Радикальным изменением в структуре активов – пассивов и к доходу является рост втрое (с 0,2 до 0,6) отношения долгов к активам, что указывает на расширение использования кредита в доковидный период. Структура общества по презентации профессора Чжан И дает нам 20% на 2013 год.

Таблица 6. Социальная структура Китая в 2013 г.

Класс	Доля социального класса в общем числе трудоспособного населения (%)
Собственники	4,62
Новый средний класс	15,75
Старый средний класс	13,85
Рабочие	35,45
Крестьяне	30,32

Источник: рассчитано авторами на основе статьи Zhang Yi [2017]

Если отталкиваться от их структуры социальной компоновки 2013 года, то можно опереться на значительный состоятельный новый средний класс. Судя по расчетам профессора Чжан И страты «собственников» и «нового среднего класса» - образованные специалисты: эксперт менеджеры, квалифицированные менеджеры, эксперты - ориентированы на «потребление развития», тогда как рабочий класс, крестьяне и «старый средний класс» в большей степени ориентированы на «выживание» [Zhang, 2017]. Далее логично предположить, что 5% сверху опрошенных – скорее собственники, дальше 15 п.п. нового среднего класса образуют 5-й квинтиль, а старый средний класс (или некоторое соотношение этих двух групп) образуют 4-й квинтиль. Далее мы будем исходить из того, что соотношение представленных групп за пять лет между опросами 2013 и 2018 годов, видимо, менялось, что требует дополнительных исследований (таблица 7). Однако при переходе от рассмотрения социально-профессиональных групп к децильным и квинтельным параметрам мы можем напрямую сравнивать последние, поскольку именно это и будет указывать на социальное неравенство в сопоставимой мере.

Таблица 7. Распределение доходов, активов и долгов на семью по группам, тыс. юань.

	Доходы (среднее)			Активы (среднее)			Долги (среднее)		
	2013 г.	2018 г.	Прирост, %	2013г.	2018 г.	Прирост, %	2013 г.	2018 г.	Прирост, %
Город									
Все группы	84,0	116,7	39,0	85,4	125,8	47,3	21,3	72,4	39,9
5%	283,3	385,6	36,1	463,8	942,3	103,2	314,8	814,9	158,9
10%*	227,6	309,5	36,0	338,8	645,6	90,6	196,4	561,5	185,9
10%**	138,3	181,7	31,4	133,1	214,9	61,5	19,9	140,1	703,5
20%**	100,9	132,5	31,3	75,4	111,3	47,6	---	30,4	----
Село									
Все группы	36,6	50,0	36,7	44,3	57,8	30,4	8,4	31,5	375
5%	130,98	186,00	42,0	266,32	445,63	67,3	123,93	411,13	3,3
10%*	104,80	147,59	40,8	186,34	300,86	61,5	76,77	263,7	3,4
10%**	8,6	81,7	950,0	69,7	97,3	39,6	8,6	44,6	5,2
20%**	--	58,5	-	39,5	52,0	31,6	---	10,4	---

*Накопленные перцентили; **отдельные перцентили (9-й дециль, 4-й квинтиль)

Примечание: Пропуски данных в опросах исключены, средние рассчитаны без учета пропусков.

Источник: Рассчитано на основе данных CHIP China Institute for Income Distribution (<http://www.ciidbnu.org/index.asp?lang=EN>).

Chinese Household Income Project (CHIP) – социальный опрос китайских семей из городской и сельской местностей, который проводится раз в несколько лет Китайским институтом распределения доходов [CIID, n.d.].

В опросе 2013 года участвовало 6262 городских семей и 9973 сельских семей. В 2018 году число опрошенных городских семей составляло 11375 чел., сельских – 9076 чел. В ходе социального опроса собираются подробные данные о доходах, расходах, долгах, активах и др. финансовых показателей семей за год опроса.

Анализ агрегированных и опросных данных указывает на формирование значительного социального неравенства уже к 2013 году. Значительный рост дохода к 2018 г. сохранил относительные различия между семьями города и села. То же относится к накопленным активам и долгам. Явно новым явлением стало значительное увеличение относительной (к доходу и к активам) задолженности населения по опросной статистике (втрое). Аналогичные выводы делает Доклад АДБ [Peschel D. & Liu W., 2022, 33, рис. 40]. Нарастание долгов китайских семей продолжалось до настоящего времени, что видно на графике 2. Практически это означает, что для расширения долгов нужно расширение состоятельных слоев. А тут важным аспектом картины является распределение уровней доходов, активов и долгов. Таблица 7 ясно указывает, что именно наиболее состоятельные 5% семей значительно увеличили свои доходы в 2018 г. по сравнению с 2013 годом и следующими группами. Принципиально важно, что прирост долгов опережал прирост активов – похоже, что долги были ключевым источником расширения активов.

№4. Проблемы следующего этапа

Мы рассмотрели этапы, пройденные экономикой Китая за 30 лет. И тут возникает вопрос методологии прогнозирования развития Китая на обозримое будущее. Мы не можем давать содержательный прогноз без большой модели, но мы хотели бы обрисовать условия такого прогноза и по возможности связать официальные цели и практические возможности развития до 2035 года. Прежде всего, отметим, что речь идет о благосостоянии огромного населения (в 1992 году - 1.3 млрд. чел.) [United Nations, n.d.]. Среднестатистический китаец, родившийся в 1980 году, как раз достигнет в 2035 году лишь 55 лет, но сможет написать мемуары: как он прожил жизнь на эскалаторе с ростом ВВП (ППС) на душу примерно в 20 раз с 1992 года. Если курс юаня будет постепенно подниматься, что вполне возможно, то вес экономики Китая еще более заметно возрастет против текущего состояния, поскольку в любых прогнозах его динамика обгоняет остальной мир на 2-3 процентных пункта в год [Xinhua, 2020]. Нам трудно воспроизвести сложные процессы внутри планирующих и политических органов страны (или экономико-математических моделей), но мы можем показать некоторые структурные параметры прогнозов.

В 2020 году после завершения пятого пленума Центрального комитета высшие руководители Китая обсудили 14-й пятилетний план на 2021-2025 годы и более долгосрочную перспективу на 2035 год. По словам Си Цзиньпина: «...вполне возможно, что

Китай достигнет уровня страны с высоким уровнем дохода (high income country) в конце 14-го пятилетнего плана в 2025 году и удвоит ВВП на душу населения к 2035 году...»³.

В этой работе мы не останавливаемся подробно на демографических проблемах выхода из режима ограничения рождаемости. Инерция демографических параметров весьма велика, и в ближайшие годы сокращение китайского населения продолжится. Рост общей производительности нужно будет обеспечивать уже больше от инноваций на месте, нежели от перемещения масс дешевой рабочей силы в регионы и отрасли с более высокой производительностью труда. Значительных затрат потребуют экологические и климатические задачи. Изменение структуры личного потребления в пользу услуг предполагает перемены в образе жизни поколений, выросших в процессе быстрого увеличения потребления товаров.

Сочетание ресурсных, институциональных и внешних спросовых факторов будет продолжать меняться. Но прежде всего важно не упустить из вида коллизию между ростом валового ВВП и его душевого параметра. При стабильной или снижающейся численности населения стран весь прирост «вала», естественно, становится также душевым приростом или более (во втором случае). Таким образом, удвоение ВВП на душу населения, вероятно, будет происходить на год-два раньше, чем удвоение валовых показателей. Не менее важна структура ВВП – соотношение накопления и личного потребления. Мы допускаем даже появление взаимосвязанных пар показателей: некоторое снижение нормы накопления в ВВП во всяком случае ниже 40% при соответствующем росте нормы потребления – выше 40% (с поправками больше – см. Приложение 1). Высокая норма накопления будет сохраняться еще длительное время для завершения формирования транспортной инфраструктуры, постоянной модернизации производственных мощностей, чему будут способствовать более эффективные технологии, которые также должны ослаблять зависимость от приростов рабочей силы.

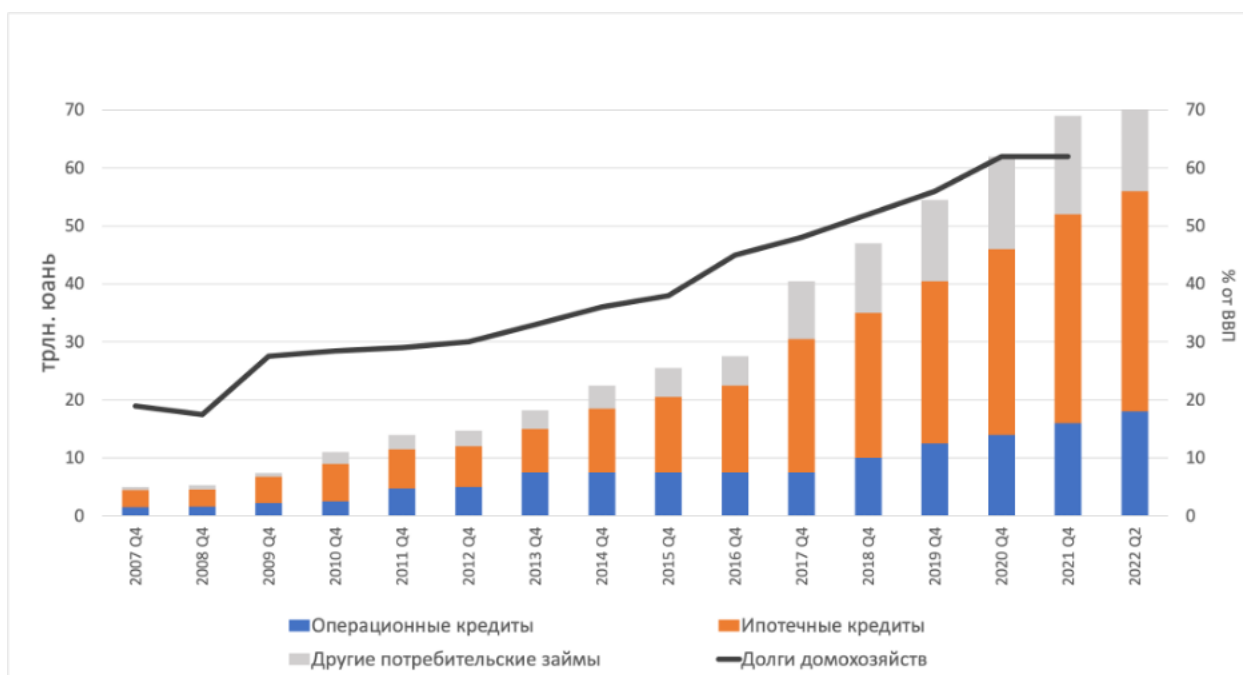
Рост личного потребления неизбежно потребует продолжения программ жилищного строительства, развития территорий и условий для отдыха, туризма и расширения потребления культурных ценностей. Рост доли личного потребления в ВВП будет означать также дополнительное повышение личного потребления и приближение его уровня к ныне развитым странам. В качестве примера можем показать масштабы сдвигов. На этом пути есть определенные трудности, достойные изучения и отдельной работы. Это высокая

---

³ Напомним, что прогнозы МВФ по росту мировой экономики включают китайский компонент со значительным весом – разница между Китаем и остальным миром по динамике в последние десять лет сохранялась весьма значительной.

закредитованность населения наряду с долгами муниципалитетов ряда регионов и собственно компаний-девелоперов. График 2 показывает, что существенно выросли долги семей по отношению к ВВП и в абсолютных величинах. Главным образом прирост долгов относится к закладным по жилью. Практически это означает, что мы показали в предыдущем параграфе – для дальнейшего расширения роли кредита в финансировании жилья, проектов, связанных с долгосрочными вложениями в инфраструктуру потребления, понадобится расширение состоятельных слоев общества.

График 2. Потребительское кредитование населения

Примечание: Долги домохозяйств - правая ось

Источник: ADB East Asia Working Paper Series [Peschel, Liu, 2022]

Если к 2035 году ВВП на душу населения достигнет \$35 тыс., то семьи 5-го квинтета при небольшом сокращении нынешнего неравенства перевалят за \$70 тысяч в 2035 году (при оценке на текущий период в \$40 тыс.). Это будет означать, что в ближайшие два десятилетия порядка 300 млн. китайцев составят самый большой национальный блок наиболее состоятельных людей на планете. Роберт Барро в 2015 году указывал, что Китай не может «вырваться» из общих закономерностей сближения уровней развития [Barro, 2016]. Он предложил рассматривать Китай как случай успешной конвергенции с Коста-Рикой, Индонезией, Перу, Таиландом и Уругваем – странами 3 кластера (более 14.5 тыс.

долл. ППС на душу), в который он перешел по нашим расчетам к 2019 году. Следующий шаг, естественно, это приближение страны к упомянутым им там же Чили, Гонконгу, Польше, Сингапуру, Южной Корее и Тайваню, а последние три уже страны первого кластера (выше 36 тыс.долл. ППС на душу). На 2022 год фактически Китай большую часть упомянутых стран других континентов обогнал (кроме Ирландии и Польши), хотя до своих развитых соседей еще надо расти. Тем не менее восхождение по кластерам продолжается. Но мы полагаем, что специфика сочетания плановых элементов и использования рыночных институтов делает Китай отдельным случаем целенаправленного развития с огромными успехами (с трудностями и издержками).

Разумеется, гораздо труднее прогнозировать эволюцию проблемы социального неравенства, поскольку в наблюдаемой мировой статистике (и жизни) «зонтик Кузнецца» виден только в части его левого сегмента. Потом «зонтик» скорее растягивается горизонтально с небольшими колебаниями. При быстром росте благосостояния и хороших перспективах для молодежи последнее не столь болезненно. В этом, в частности, состоит «секрет» англосаксонского неравенства: оно выше, чем в других системах, но с широкой рекламой доступности индивидуальных вертикальных лифтов. Можно предположить, что расширение «сверху вниз» состоятельных когорт семей в Китае будет важным фактором не только социальной стабильности. В прикладном плане для стабильности сектора недвижимости (особенно собственно жилищного строительства) расширение платежеспособного круга семей, обновляющих свои жилищные условия, естественно должно быть близким к долгосрочным темпам расширения и обновления жилого фонда. Разумеется, как это известно по практике развитых стран (выше среднего уровня развития), именно волны жилищного спроса обеспечивают соответствующие им волны расширения сооружений общественной сферы и бумы товаров длительного пользования.

Если считать нынешний уровень ВВП на душу Китая «средним» в логике догоняющего развития, то сдвиги в пользу более высокого качества социальных услуг, изменения образа жизни – задача весьма сложная, пожалуй, сложнее, чем задачи индустриального этапа развития. Последний можно было бы считать близким к завершению, но теперь в него пора включать энергетический переход, поддержание и восстановление экологии, что потребует немалых затрат инвестиционного характера – к 2060 г. на карбоновую нейтральность экономики предполагается затратить 15 триллионов долларов [Zhang, 2020], но эта работа в основном впереди. Высокие затраты на экологию и снижение выбросов парниковых газов в будущем могут стать важным элементом выравнивания образа жизни и социальных различий.

Мы не считаем возможным здесь давать оценки долгосрочным изменениям в бюджетах, внешней торговле, расходам на НИОКР или военных расходах, хотя ясно, что предстоящее гигантское увеличение ВВП создаст огромный потенциал для Китая, который будет одним из лидеров мирового развития. Нам представляется, что сложные экономические и социальные проблемы многих стран в «ловушке среднего уровня развития», как в случае Китая, естественно, становятся более сложными. Так что многое будет зависеть от социально-экономической стабильности страны, сдвигов в институтах к большей инклюзивности и самовыражению. Но мы не видим причин, почему переход от 10% к 5% в течение уже десяти лет часть мировой аналитики и СМИ рассматривают как кризис, в частности, если не ожидается возврата к 10% режиму. Мы бы трактовали ситуацию как – в зависимости от выбранной гаммы – поиск “новой нормальности”, преодоление китайской «ловушки среднего уровня развития» (хотя не от 5-6% к 2-3%, как у большинства стран, а от 10% к 5%). Предположение о сдвигах к большей открытости выглядит вполне ожидаемым, хотя масштаб и сложность задач следующего периода скорее всего оставит значительной роль Левиафана [Shastitko, 2020], предположительно ограниченного в той или иной степени.

Среди сложностей развития Китая в 2023-2024 году китайские экономисты и зарубежные наблюдатели упоминают не только очевидные аспекты развития: замедление роста населения, избыток мощностей в традиционных отраслях промышленности, необходимость инноваций и развития антрепренёрства и т.п. Финансовые риски в секторе недвижимости стали наиболее острой темой в силу явного проседания прибыльности и устойчивости действующей деловой схемы. Мы не можем в короткой статье провести широкий анализ данной проблемы, так что в данном случае хотели бы ограничиться кратким обзором ситуации.

Концентрация долгов в Китае относится к городам меньшего размера в Центре и на Западе страны. Это ставит страну в уникальное положение в мире – подавляющая доля долгов относится не к центральному правительству, а к муниципалитетам. По всей видимости, это результат выполнения установок на широкое развитие городской инфраструктуры, решение жилищной проблемы. Местные органы власти выполнили важные задачи развития страны того этапа, до которого не дошли (или не завершили) в значительной мере другие среднеразвитые страны (оставшись в «ловушке»). Но одновременное развитие инфраструктуры, общественного сектора и собственно жилья в большой мере шло в долг. Особенно это относится к центральным и западным провинциям с меньшим уровнем развития. Данная модель финансирования, естественно, тесно связана

с социальным неравенством – со способностью семей покупать (обновлять) квартиры и оплачивать их. В предшествующем параграфе мы показали, что основная масса активов (и долгов) приходится на наиболее состоятельные страты общества. Более того, мы видим, что значительный прирост активов семей за короткий период между 2013 и 2018 годами был достигнут при утрате отношения задолженности к активам и годовому доходу.

Так что в основе проблемы мы опять видим исключительно быстрый рост и решение масштабных задач. Заметим, что проблемы сектора далеко выходят за пределы коммерческих проблем рынка недвижимости и устойчивости облигационных займов девелоперов. Для западных наблюдателей и инвесторов – это чисто финансовая проблема. Для нас – это важный вопрос институционального развития, его китайской специфики. И ответственность центрального правительства за устойчивость сектора вытекает не только из общей логики централизованного управления, но и из важности формирования социальной среды, обеспечения равенства доступа к жилью и социальным услугам. Раньше продажи жилья стимулировались спекулятивным спросом на квартиры со стороны покупателей, которые остерегались, что цены на жилье вырастут. В будущем рынок должен будет удовлетворять основной спрос от покупателей, которые хотят для себя купить или улучшить жилье. Считают, что в секторе недвижимости определенно будет наблюдаться спад в среднесрочной перспективе. Власти Китая ввели понятие «новая тройка»: электромобили, литий-ионные аккумуляторы, ВИЭ. Данные отрасли, по мнению китайского руководства, могли бы стать заменой жилищному рынку. Однако, эти сферы в общем составляют 3.5% от ВВП, что не сопоставимо с долей сектора недвижимости - 23% от ВВП. Таким образом, пока на рынке недвижимости ситуация не улучшится, «новая тройка» не сможет внести значительный вклад в увеличение темпов роста ВВП Китая [The Economist, 2023].

Так что можно ожидать, что правительству придется найти способ решения проблемы путем (как обсуждается) выпуска нового долга центральным правительством (замещение облигаций), или увеличения доли провинциальных правительств в налоговых поступлениях. Во всяком случае – это национальная проблема данной стадии развития и результат примененной технологии решения важных проблем предыдущего этапа. В краткосрочном плане – это решение обострившейся проблемы экономической политики. В долгосрочном плане – это фундаментальная проблема преодоления ловушек, которые образуются при достижении среднего уровня развития, особенно таким темпами. Надо полагать, что в дальнейшем расширение благосостояния не только в пятом, но в четвертом

и третьем квинтелях доходной лестницы потребуются, что придать процессу улучшения образа жизни более устойчивую основу.

5. Новая модель развития и прогнозы

«Переход в последние годы к более низким показателям прироста ВВП связывается в Китае с понятием «новая нормаль» (*синь чантай*), которое указывает на постепенные перемены в динамике развития экономики КНР после мирового экономического кризиса 2008 – 2009 гг. На официальном уровне о наступлении периода «новой нормали» в китайской экономике Си Цзиньпин впервые заявил в мае 2014 г. во время инспекционной поездки по провинции Хэнань [Ostrovskiy, 2020, pp. 68-69]. Существует много мнений среди экономистов насчет того, что означает это понятие в применении китайской экономики в современных реалиях. Некоторые считают, что это сложная ситуация на рынке недвижимости, другие видят новую нормальность в налаживании отношений Китая и США. По мнению китайского экономиста Цай Фана, “новая нормаль” — это сочетание сокращения населения, “седеющих” покупателей (“стареющее” население) и придирчивых работодателей (рост безработицы) [The Economist, 2023].

Важный труд Азиатского банка развития дает широкую картину потенциального роста в Китае [Peschel D. & Liu W., 2022]. Обширный обзор теорий, статистики, факторов роста, конкурирующих прогнозов дает в целом ожидаемый результат, поскольку опирается на оценки роста основного капитала, труда, ожидаемого роста общей факторной производительности. В отличие от СМИ, обсуждающих в основном «кризис» в сфере недвижимости, данный доклад прогнозирует некоторое замедление роста по соображениям факторов роста. Авторы прогнозируют (стр. 19 – табл. 2) темпы роста до 2030 года в районе 3,5% и потом до 2035 г. – в 2,7%, хотя ряд авторов дает более высокие темпы роста. Интересной особенностью современного прогнозирования оказывается опора на функцию Кобба-Дугласа и стандартные методы теории роста. Однако большинство советов по развитию относится к институциональным факторам: сокращению роли госпредприятий, мер по удлинению сроков кредитования, развитию обучения и человеческого капитала. Несмотря на все достижения в развитии, Китай пока остается среднеразвитой страной и возможности для повышения эффективности имеет весьма значительные.

Общий прогноз китайского правительства восходит к 2020 году. Председатель Си Цзиньпин заявил тогда, что целью 14-той пятилетки (2021-2025) является удвоение ВВП на

душу населения в течение следующих 16 лет. Китайский экономист, Джастин Ифу Линь объяснил логику такого оптимистичного плана следующим образом. В 2019 году ВВП на душу населения (по ППС) в Китае составил лишь 22,6% от уровня США. Германия находилась на том же уровне в 1946 г., Япония - в 1956 г., а Южная Корея - в 1985 г. Годовые темпы роста этих стран в среднем составляли 9,4%, 9,6% и 9% соответственно в течение следующих 16 лет. Линь сделал вывод, что даже в условиях низких темпов роста населения и торгово-технологической войны с США потенциальный ежегодный рост Китая - 8% в 2019-2035 гг. и 6% в 2036-2050 гг. - может легко вылиться в реальный ежегодный рост в 6% и 4% соответственно [Fuxian, 2023]. В марте 2024 г. лидеры КПК объявили о целевом показателе роста на 2024 года в 5%. Видимо, Китай будет поддерживать высокие по нынешним мировым стандартам темпы роста, стараясь расширением ресурсов и специальными мерами постепенно решать сформировавшиеся проблемы. Мы уже видим значительный рост вложений в высокотехнологические отрасли, так что Китай будет продолжать конкуренцию с развитыми странами уже на новом уровне.

В нашей работе мы показали не только важные аспекты роста китайской экономики, параметры обгона других стран (в кластерном анализе), факторы такого роста, но и структуру ряда проблем, которые являются в значительной мере последствиями скорости роста и выбранных институциональных механизмов. Если смотреть в будущее на более значительный период, то переход страны в статус развитой (второй кластер – от 22 тыс. долларов ППС 2017) достигается при \$35 тыс. на душу. Это будет колоссальным успехом и даст новым поколениям китайцев огромные ресурсы для благосостояния, больших экологических проектов, участия в решении глобальных проблем человечества.

С точки зрения развития теории мы не возьмем на себя ответственность предложить формулу успеха Китая на языке институционализма. Развитие страны продолжается в сложном сочетании рыночных преимуществ и ощутимой роли централизованного планирования и после выхода на средний уровень развития. Строго говоря, мы видим развилку для исследователей следующим образом: или наука признает, что китайский случай находится вне основной логики теорем развития, но тогда самый большой и интересный успех остается уникальной удачей руководства Китая. Либо наука могла бы признать важной роль государственного вмешательства в дела открытого рынка на различных стадиях и инкорпорировать случай Китая в мейнстрим институциональной теории.

Приложение

Приложение 1. Статистика потребления

Выделяют две причины медленного перехода от роста Китая, основанного на инвестициях и экспорте, к росту, главным драйвером которого является внутреннее потребление (ребалансировка экономики): склонность населения много сберегать; доходы домохозяйств занимают малую часть от национального дохода [The Economist, 2023].

По словам Майкла Петти, в то время как на Западе доходы д/х в среднем занимают 70-80% от ВВП, в КНР - лишь только 55%. Экономисты давно считают, что у Китая есть проблемы со статистикой, а именно с учетом доходов и расходов домохозяйств. Опросы, вероятно, не могут зафиксировать незарегистрированных "серых" доходов богатых, а национальные счета все еще недооценивают скрытую "арендную плату", которую домовладельцы платят себе, когда живут в своей собственности. Кроме того, социальные трансферты в натуральной форме (СТИК) не выделялись в отдельную категорию (в отличие от стран ОЭСР. СТИК были включены в государственные расходы, вместо включения в доходы китайских д/х. Вследствие этого располагаемый доход домохозяйств Китая составил только 62% от национального дохода в 2020 году (и всего 56% в 2010 году). Если бы страны Еврозоны также исключали СТИК из располагаемого дохода, то данный показатель составлял примерно такое же значение, как и для Китая (менее 64% в 2020 году). Включение СТИК в располагаемый доход д/х Китая поспособствовало росту доли располагаемого дохода в национальном доходе до 69%. Доля личного потребления с учетом данных трансферт, увеличилась с 39% в 2010 году до 45% в ВВП в 2019 году. [The Economist, 2023].

Список источников (References)

Acemoglu D., Robinson J. A. (2012) *Why Nations Fail*. Random House.

Barro R. J. (2016) Economic Growth and Convergence, Applied to China. *China & World Economy*, vol. 24, issue 5, pp. 5–19. Available at: <https://doi.org/10.1111/cwe.12172>

CEIC [n.d.] Household Expenditure per Capita. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/annual-household-expenditure-per-capita> (accessed 17 December 2023). Нет ссылки????

China Institute for Income Distribution (CIID) [n.d.] Available at: <http://www.ciidbnu.org/index.asp?lang=EN>

Coase R. (2006) The Conduct of Economics: The Example of Fisher Body and General Motors. *Journal of Economics & Management Strategy*, vol. 15, issue 2, pp. 255–78. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1530-9134.2006.00100.x>

Coase R., Wang N. (2016) *Kak Kitai stal kapitalisticheskim [How China Became Capitalist]*. Moscow: Novoe izdatelstvo (in Russian).

Easterly W. R. (2001) *The Elusive Quest for the Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge: MIT Press.

Fuxian Y. (2023) China's Economic Engine Is Running Out of Fuel. Project Syndicate, 22 December. Available at: https://www.project-syndicate.org/commentary/flawed-demographic-and-growth-forecasts-guide-chinese-economic-policy-by-yi-fuxian-2023-12?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=61ffa6a3ae-sunday_newsletter_12_31_2023&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-61ffa6a3ae-107189098&mc_cid=61ffa6a3ae&mc_eid=52c43548f0 (accessed 29 March 2024).

Grigoryev L. M. (1991) – “Soviets need a unified Free Economy” *New York Times*, Sept. 12, 1991

Grigoryev L. M. (2010) 500 dni - na revolyuciyu soznaniya? [500 Days for the Revolution of Consciousness?] *Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal EKO*, no 10 (436), pp. 6–19. Available at: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/3208/2242> (accessed 29 March 2024) (in Russian).

Grigoryev L. M. (2019) – Reformy nado bylo nachinaty kak minimum na god, a luchshe na dva ranshe²² 11 November, <http://award.gaidarfund.ru>

Grigoryev L. M. Zharonkina D. (2023) China's Capital Formation in the Volatile Time. *BRICS Journal of Economics*, vol. 4, no 2, pp. 265–83. Available at: <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e105980>

Grigoryev L. M., Kulpina V. P. (2013) Kitai: problemy novogo etapa razvitiya [China: The Challenges of a New Stage of Development]. *Mirovaya ekonomika v nachale 21 veka [The World Economy in the Early 21st Century]* (L. M. Grigoryev (ed)). Moscow: Direkt-media (in Russian).

Grigoryev L., Parshina E. (2013) Ekonomicheskaja dinamika stran mira, 1992–2010: neravnost' rosta [Economic Dynamics Across Countries in 1992–2010: Growth Divergence]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no 4, pp. 70–86. Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/2470> (accessed 12 January 2024) (in Russian).

Grigoryev L., Pavlyushina V. (2022) Mezhranovoe neravenstvo: dinamika i problema stadij razvitiya [Inter-Country Inequality as a Dynamic Process and the Problem of Post-Industrial Development]. *Mirovaya ekonomika v period bol'shihpotrjasenij [World Economy in the Era of Turbulence]* (L. M. Grigoryev, A. A. Kurdina, I. A. Makarova (eds)). Moscow: INFRA-M, pp. 13–39. Available at: <https://naukaru.ru/ru/nauka/monography/2550/view> (accessed 10 December 2023) (in Russian).

International Energy Agency (IEA) (n.d.) Energy Statistics Data Browser. Available at: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=WORLD&fuel=Energy%20supply&indicator=TESbySource> (accessed 4 February 2024).

International Monetary Fund (IMF) (n.d.) IMF Data. Available at: <https://data.imf.org/?sk=388DFA60-1D26-4ADE-B505-A05A558D9A42&sId=1479329132316> (accessed 2 February 2024).

Jain-Chandra S., Khor R., Schauer J., Wingender P., Zhuang J. (2018) Inequality in China: Trends, Drivers and Policy Remedies. IMF Working Paper No 18/127, International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/06/05/Inequality-in-China-Trends-Drivers-and-Policy-Remedies-45878> (accessed 29 March 2024).

Kuznets S. (1955) Economic Growth and Income Inequality. *The American Economic Review*, vol. 45, no1, pp. 1–28. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1811581>

National Bureau of Statistics of China (n.d.) Available at: <http://www.stats.gov.cn/english/> (accessed 14 February 2024). – нет ссылки - ????

North D., Wallis D., Weingast B. (2011) *Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pismennoj istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. Conceptual Framework for the Interpretation of Written History of Mankind]*. Moscow: Izd. Instituta Gaidara. Available at: <http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/HOPT-2%20-%20Насилие%20и%20социальные%20порядки%202011%20482с.pdf> (accessed 29 March 2024) (in Russian).

Ostrovskiy A. V. (2020) *Kitai stanovitsya ekonomicheskoi superzhavoi [China Becomes an Economic Superpower]*. Moscow: IBA. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44089369> (accessed 29 March 2024) (in Russian).

Peschel D., Liu W. (2022) The Long-Term Growth Prospects of the People's Republic of China. ADB East Asia Working Paper No 54, Asian Development Bank. Available at: <https://dx.doi.org/10.22617/WPS220567-3>

Shastitko A. E. (2020) Mezhdru Scilloi despotizma i Haribdoisocial'nyh norm [Between the Scylla of Despotism and the Charybdis of Social Norms]. *Voprosy Ekonomiki*, no 1, pp. 145–56. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-145-156> (in Russian).

The Economist (2023) How Economists Have Underestimated Chinese Consumption. 10 October. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2023/10/10/how-economists-have-underestimated-chinese-consumption> (accessed 29 March 2024).

United Nations (n.d.) Total Population (Billions). Available at: <https://population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Line/156> (accessed 3 January 2024).

World Bank (n.d.) World Development Indicators. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 13 January 2024).

Xinhua News Agency (Xinhua) (2020) Economic Watch: New Development Philosophy to Lead China through Middle-Income Trap. 14 December. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2020-12/14/c_139588404.htm (accessed 28 January 2024).

Zhang Y. (2017) Social Class Differences in Consumption Propensity in Contemporary China: From Survival-Oriented Consumption to Development-Oriented Consumption. *Journal of Chinese Sociology*, vol. 4, art. 21. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40711-017-0066-1>

Zhang K. (2020) Shi xian tan zhong he, you ji ge fang xiang bi xu jia da nu li. [There Are Several Directions That Must Be Intensified to Achieve Carbon Neutrality]. Yicai.com, 20 September. Available at: <https://m.yicai.com/news/100788326.html> (accessed 14 January 2024) (in Chinese).

China:Thirty Years of “Surpassing” Development⁴

L. Grigoryev, D. Zharonkina

Grigoryev Leonid— PhD in Economics, Tenured Professor; Academic Supervisor, Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, School of World Economy, Higher School of Economics, Moscow, 119017, Malaya Ordynka 17, bld. 1; lgrigor1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3891-7060.

Zharonkina Darya— Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Higher School of Economics, Moscow, 119017, Malaya Ordynka 17, bld. 1; dzharonkina@hse.ru, ORCID: 0009-0009-2686-6404

Abstract

China has eradicated absolute poverty and has reached the middle level of development. On its way, it crossed the borders of several clusters and surpassed South Africa and Brazil. Its achievements were based on the development of market institutions, world market opportunities, and the maintenance of an exceptionally high capital formation rate. The rapid pace of changes, demographic policy, and the solution of infrastructure problems have created certain issues—we note social inequality, environmental problems, the growth of household debts, and financial problems in the real estate sector, which are largely the consequences of huge social programmes. The transition to a “new normal” with lower (but still high) growth rates in many ways resembles the known effect of a “middle income trap.” The country has been developing along well-known lines but faster and by its own manner. By the horizon of 2035, China is expected to reach the current level of development of South and East Europe.

Key words: China, economic growth, inequality, middle income level

Acknowledgments:

The authors would like to thank Andrei Evgenyevich Shastitko, Professor at the Faculty of Economics, Moscow State University, for pointing out the insufficient study of institutional aspects of China's development

---

⁴ This article was submitted 27.02.2024

For citation: Grigoryev L., Zharonkina D. (2024) India's Climate Mitigation Policy: Challenges and Prospects. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 1 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-01-08